

Цифровая гуманитаристика как стадия научного знания: четыре метафоры

Полина Колозариди

Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия, poli.kolozaridi@gmail.com.

Гавриил Беляк

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии
наук (ИРЛИ РАН), Санкт-Петербург, Россия, gabriel.belyak@gmail.com.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки; история дисциплинарного знания; цифровая трансформация; цифровой поворот; междисциплинарные исследования; цифровизация культурного наследия; философия знания; философия науки.

Цифровые гуманитарные науки существуют как самостоятельное направление деятельности современных университетов. Основания объединения гуманитарных наук под общим определением «цифровые» и отношения каждой из них с самим понятием «цифровой» неочевидны и нуждаются в критическом анализе. Авторы статьи предпринимают такой анализ и обращаются к академическим предпосылкам цифровизации гуманитарного знания и ее проектным применениям. С помощью четырех метафор описываются способы присвоения «цифрового» как собственного метода, предмета или объекта разными науками (социологией, филологией, культурологией); выявляются конфликты и проблемы, возникающие при разных типах такого присвоения; определяется ключевая

проблема цифровой гуманитаристики как области знания. Эта проблема связана с разрушением дистанции между знанием (теорией), методом и объектом. На примере проектной деятельности продемонстрировано, что разрушение этой дистанции, будучи осознанным, может стать основанием для представления цифровизируемых объектов не только в качестве ставших, но и в качестве становящихся. В заключении предлагается понимание цифровизации гуманитарных областей не как научной революции (по Томасу Куну), ведущей к смене парадигмы в рамках той или иной дисциплины, а как стадии развития научного знания, требующей обращения к философской рефлексии для пересборки общих научных оснований гуманитарных дисциплин.

Введение

ЦИФРОВЫЕ гуманитарные науки (*Digital Humanities*) — это направление наук, объединяющее разные области знания: филологию, историю, литературоведение, антропологию, социальную географию, лингвистику, культурологию. Цифровыми их делают использование вычислительных приемов или обращение к цифровым объектам¹.

Это направление стало популярным в 2000-е годы, его обозначение закреплено институционально: цифровой гуманитаристикой занимаются отдельные лаборатории, кафедры, которые могут входить в состав любых университетских факультетов и департаментов, имеющих любую дисциплинарную принадлежность². У термина «цифровая гуманитаристика» есть несколько сотен определений³. Их разнообразие не считается проблемой представителями самого направления и даже рассматривается ими как своего рода эпистемическая добродетель⁴. Предполагается, что множественность определений обеспечивает возможности доступа к области цифровой гуманитаристики разным специалистам, институтам и сообществам⁵.

1. См. более развернутое определение: *Gibbs F. Digital Humanities Definitions by Type // Defining Digital Humanities*. N.Y.: Routledge, 2016.
2. *Luhmann J., Burghardt M. Digital Humanities — A Discipline in Its Own Right? An Analysis of the Role and Position of Digital Humanities in the Academic Landscape // Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2022. Vol. 73. № 2.
3. *Prescott A. Beyond the Digital Humanities Center: The Administrative Landscapes of the Digital Humanities // A New Companion to Digital Humanities*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2015; *Berry D. M., Fagerjord A. Digital Humanities: Knowledge and Critique in a Digital Age*. Cambridge, UK: Polity Books, 2017.
4. Историки и философы науки используют этот термин для обозначения набора ценностей, присущих типу знания и признанных его частью. Например, в исследовании Питера Галисона и Лорейн Дагстон разрабатывается проблема *объективности* как эпистемической добродетели. См.: *Дагстон Л., Галисон П. Объективность*. М.: НЛО, 2018.
5. Такая трактовка наследует утопиям цифровых начинаний, возникшим не только в сфере науки, но также в рамках общественных и культурных процессов. См. критику цифрового солиюционизма в работах Евгения Морозова, напр.: *Morozov E. To Save Everything, Click Here*. L.: Penguin Books, 2013.

Происхождение цифровой гуманитаристики принято возводить к вычислительному повороту в науках⁶. Понятия «вычислительное», «информационное», «компьютерное» употребляются как определения конкретных методов и объектов. Например, в русском языке существует понятие «компьютерная лингвистика».

Поворот к «цифровому» принято объяснять масштабом трансформации господствующих способов производства знания⁷ и изменением типов доступа к знанию, возникающих вследствие этой трансформации⁸. От вычислений (*computing*) как инструмента гуманитаристики переходит к пересборке структур и инфраструктур знания: методов и канонов, образовательных практик, архивной и музейной деятельности. Осуществляя такой переход, гуманитарные науки становятся востребованными в междисциплинарной среде и в реализации коммерческих, а также культурно и социально значимых проектов. Предполагается, что тем самым они обретают более важную роль в современном университете и за его пределами.

Такое представление о цифровой гуманитаристике не кажется нам достаточным. Оно обрекает нас сводить науки к их институциональным формам.

Сам тип причинности, который стоит за описанной выше трактовкой понятия, является техно-детерминистским. Исходя из него, телеология наук — это совершенствование инструментов. Такое объяснение подчиняет науки внешним обстоятельствам, делая их неспособными присвоить себе смысл «цифрового».

В нашей статье предпринята попытка представить альтернативную концепцию этого явления. Мы предлагаем рассмотреть его как стадию развития внутренних оснований самих дисциплин. Для этого мы а) описываем способы присвоения «цифрового» как собственного объекта или метода разными науками; б) рассма-

6. Liu A. The State of the Digital Humanities: A Report and a Critique // Arts and Humanities in Higher Education. 2012. Vol. 11. № 1–2.

7. Berry D.M. The Computational Turn: Thinking About the Digital Humanities // Culture Machine. 2011. Vol. 12.

8. «Цифровое» обладает как центробежной, так и центростремительной силой, влияющей на пересмотр прежних границ дисциплин, не принадлежа вполне какой-либо одной из них. Оно связано скорее с процессом изменения, чем с конкретным свойством или объектом. Хотя оно работает подобно заклинанию в грантовых заявках и университетских программах, за этим словом стоит плотная реальность инфраструктур информационных технологий и достижений кибернетических и вычислительных наук.

триваем конфликты и проблемы, возникающие при разных типах такого присвоения; в) выделяем ключевую проблему, связанную с разрушением дистанции между знанием и объектом; г) выдвигаем предположения о том, какие стадии изменения гуманитарного знания последуют за этим разрушением. Согласно нашему предположению, предстоящие стадии обязывают гуманитарные дисциплины вернуться к философской рефлексии своих оснований и исходя из этого осуществить пересборку.

Основания цифровой гуманитаристики интересуют авторов статьи не только теоретически, но и в связи с практикой работы над проектом «Пушкин Цифровой», который предусматривает организацию и представление знания об Александре Пушкине, его произведениях и эпохе⁹. Позиция авторов текста оказывается двойственной: мы находимся на дистанции по отношению и к академической традиции, и к разработке веб-портала как прикладной задаче. Это позволяет нам различать науку как отдельную область деятельности и типа знания с принадлежащими ей *оптиками, теориями, концепциями и методами*. Хотя наука не синонимична дисциплине, мы используем эти понятия как однородные, имея в виду современную нам академическую институционализированную науку. Это позволяет нам определять дисциплины и междисциплинарные области. Последние предполагают несколько оснований в разных науках. Различение объекта и предмета используется в тексте, когда необходимо обозначить *объект* как часть реального мира, выделенный с помощью научного метода и превращенный в *предмет* исследования.

В нашей работе не были рассмотрены отдельные направления, например цифровая история, этнография или археология. Они не всегда примыкают к цифровой гуманитаристике, и их происхождение и становление заслуживают отдельного внимания.

Предложенные нами интерпретации мифологических сюжетов могут быть оспорены — так же как смыслы, вкладываемые нами в слова «науки», «дисциплины», «междисциплинарные области». Мы надеемся, что это послужит масштабированию дис-

9. Практика теоретического осмысления распространена при создании онлайн-проектов. См., напр.: Gale A., Siemens R. Introduction: Reinventing Shakespeare in the Digital Humanities // Shakespeare. 2008. Vol. 4. № 3; Estill L. Digital Humanities' Shakespeare Problem // Humanities. 2019. Vol. 8. № 1; Reed A. Managing an Established Digital Humanities Project: Principles and Practices From the Twentieth Year of the William Blake Archive // Digital Humanities Quarterly. 2014. Vol. 8. № 1.

куссии о границах и способах того, как можно определять понятие «наука» в контексте цифровых поворотов и иных движений современности.

Яблоко раздора: дисциплины в попытке присвоить плоды цифровизации

Богиня раздора Эрида не была приглашена на свадьбу Пелея и Фетиды и, согласно своему предназначению, посеяла вражду между Герой, Афродитой и Афиной. Разрешение их спора было предоставлено царевичу Парису, воспитанному вдали от царского дома и не усвоившему добродетелей, подходящих царскому сыну. В попытке получить яблоко, предназначенное прекраснейшей, богини предлагали Парису выбор: власть над Азией, военные победы или любовь Елены. Парис избрал подарок Афродиты — любовь Елены, что повлекло за собой необходимость ее похищения, а впоследствии — Троянскую войну.

Мы используем изложенный сюжет для описания спора дисциплин: науки соревнуются в том, какая из них достойна быть главной в *производстве, объяснении и, наконец, присвоении* «цифрового» как объекта и инструмента своего знания¹⁰.

Ценность присвоения «цифрового» легко объяснить тем, что в современном университете это служит возможностям развития. Ценность «цифрового» можно объяснить и через внутренние проблемы академического мира, связанные с умножающимся количеством объектов исследований, ростом числа статей, ежедневно выходящих на разных языках, происходящими вследствие этого роста методологическими кризисами¹¹. Чтобы справиться с этими проблемами, используют цифровые решения: саммарайзы, созданные с помощью нейросетевых чат-ботов. Сообщество цифровых гуманитариев во всем мире ратует за открытость и доступность материалов, все чаще представляемых в виде данных (*data*), что иногда противоречит позиции традиционных дисциплин. Процветание новояза, изобилие дополнительных условий и умножение участников научного процесса едва ли дают возможность традиционным наукам отразиться на расширении собственных границ. В итоге сами дисциплины оказываются

10. Выбор наук, которые будут приведены в пример, отчасти произволен, и мы будем рады развитию полемики, включающей другие дисциплины.

11. Alvarado R. C. The Digital Humanities Situation // Debates in the Digital Humanities. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2012.

в ситуации объектов, которые нуждаются в сохранении и развитии — с помощью пресловутых цифровых методов.

Некоторые науки стремятся завоевать эпистемический авторитет¹², позволяющий им присвоить «цифровое» как собственный объект и метод, чтобы, таким образом получив большую автономию и агентность в академической среде, оказаться не объектом, а субъектом происходящих изменений. Чтобы понять, как устроена подобная соревновательность, мы рассмотрим примеры трех наук, предполагающих, что «цифровое» может быть включено в их концептуальный аппарат, метод или предмет.

В случае *социологии* мы обратим внимание на понятие социальных сетей. Оно позволило стереть часть границы между академическим миром и *common sense*. Термин «социальная сеть» использует слово «сеть» в переносном смысле, оно обозначает один из способов представления и анализа связей. В 2020-х годах термин «социальная сеть», применяемый по отношению к сервису общения между людьми с помощью онлайн-страничек с личной информацией и сообщениями, существует вне академических миров.

Прародителем понятия социальных сетей считают Георга Зиммеля, далекого в своей теории от любых количественных методов. Он предложил метафору сети для изучения границ общества¹³. Уже в 1970-х годах возник метод сетевого анализа, предполагающий подсчет показателей, представляющих характеристики отношений между людьми, институтами и явлениями. Параллельно «сеть» как понятие стало использоваться и в других дисциплинах¹⁴, порой представляя собой альтернативу понятию структуры.

Дополнение слова «сеть» эпитетом «цифровая» превратило связи, бывшие предметом теоретического знания, в реальный объект. С учетом того, что социология обращается к приемам ис-

12. Термин Линды Загзебски, см.: *Загзебски Л.* Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3.

13. *Marin A., Wellman B.* Social Network Analysis: An introduction // *The SAGE Handbook of Social Network Analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011.

14. Анализ этой проблемы см.: *Erickson M.* Network as Metaphor // *International Journal of Criminology and Sociological Theory*. 2012. Vol. 2. № 2; *Wellman B.* Structural Analysis: From Method and Metaphor to Theory and Substance // *Social Structures: A Network Approach* / B. Wellman, S. D. Berkowitz (eds). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997 (Contemporary Studies in Sociology. Vol. 15).

следования пользователей¹⁵, к теориям информационного, или сетевого, общества¹⁶, к идее богатства сетей¹⁷, она как бы по определению оказывается дисциплиной, готовой к цифровизации. Само понятие цифрового она способна вывести из социального¹⁸. Но на этом поле у нее уже есть конкурентки.

Филология, разделенная на две ветви — литературоведение и языкознание, — в то же время претендует на способность удерживать собственное единство и включать в себя целый ряд разнородных субдисциплин, таких как семиотика и герменевтика, теория речевых актов и рецептивная эстетика, нарратология и фольклористика¹⁹. Такие возможности порой оспариваются и на институциональном уровне, и в теоретических дискуссиях. При этом с развитием больших языковых моделей самые разнообразные филологические теории демонстрируют все большую востребованность, а машинная генерация текста на бытовом уровне начинает использоваться как синоним искусственного интеллекта. Конечно, это можно было бы рассматривать как успех филологического проекта, если бы пессимистическая ирония на этот

15. Сивков Д. Ю. Российская UX-индустрия в поисках пользователей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 6.
16. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование // Мир России. Социология. Этнология. 2000. Т. 9. № 1.
17. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 2006.
18. Вахштайн В. Техника, или Обаяние прогресса. СПб.: ЕУСПб, 2021 (признан иностранным агентом).
19. Позволим себе сослаться на определение филологии, данное Сергеем Аверинцевым: «Филология (греч. *philologia*, буквально — любовь к слову), содружество гуманитарных дисциплин — лингвистической, литературоведческой, исторической и др., изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов. Текст во всей совокупности своих внутренних аспектов и внешних связей — исходная реальность филологии. Сосредоточившись на тексте, создавая к нему служебный „комментарий“ (наиболее древняя форма и классический прототип филологического труда), филология под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю ширину и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного. Таким образом, внутренняя структура филологии двуполярна. На одном полюсе — скромнейшая служба „при“ тексте, не допускающая отхода от его конкретности; на другом — универсальность, пределы которой невозможно очертить заранее» (Большая российская энциклопедия: В 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2017. Т. 33. С. 363).

счет не была свойственна семиотике еще до конца зимы искусственного интеллекта²⁰.

Структуры университетских программ предполагают, что филология, даже разделенная на множество субдисциплин, имеет общий предмет (текст), двуединый в его коммуникативной и эстетической функциях. Этот статус предмета позволяет филологии присваивать себе разные оптики и языки, распределяя конкретные способы присвоения по разным областям дисциплины. Корпусная лингвистика дает инструментальные основания для работы искусственного интеллекта. Фольклористика и семиотика позволяют соотнести исследования в области текста с подходами драматургической социологии и антропологии. Рецептивная эстетика выводит теорию текста в область социальной психологии, а отчасти сближает с областями дизайна и маркетинга.

Однако не все аспекты изучения текста совместимы с современными логиками цифровой организации и хранения знания. Возможность загрузить художественный текст в новый интерфейс и обсудить связанные с ним проблемы с чат-ботом не поможет решить задачи, предполагающие анализ жанровых особенностей или (не квантитативной) поэтики произведения. Подсчет зайцев или кроликов у Уильяма Шекспира не дает ответа на вопрос о том, как их количество уточняет историю литературы или какова роль нечеловеческих акторов в произведении искусства.

Благодаря претензии на тотальность текста филология с легкостью захватывает смежные области, успешно осуществляя экспансию своих методов и предметов в другие дисциплинарные миры. Но в результате она и сама оказывается подвержена их влиянию, иногда опасному для нее. Так, сделав ставку на кибернетическую теорию текста, филология получает в руки новые инструменты, которые, принося невероятный успех в одних ее субдисциплинах, вытесняют на периферию другие.

20. В русскоязычной семиотической традиции примером такой иронии можно считать эпиграф из «Фауста» Иоганна Вольфганга фон Гёте (в переводе Бориса Пастернака) к статье Юрия Лотмана «Мозг — текст — культура — искусственный интеллект»: «Нам говорят: безумец и фантаст, / Но, выйдя из зависимости грустной, / С годами мозг мыслителя искусный / Мыслителя искусственно создаст» (Лотман Ю. Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ АН СССР, 1981). Также о семиотической и кибернетической рефлексии трудной проблемы сознания см.: Пасквинелли М. Машины, формирующие(ся в) логику: нейронные сети и искаженная автоматизация интеллекта в качестве статистического вывода / Пер. с англ. Г. Голубкова, П. Строкина // Новое литературное обозрение. 2019. № 4 (158).

Науки о культуре представлены разными направлениями: от музееведения до широкой рамки *культурологии*²¹. В цифровой гуманитаристике культура является одним из базовых объектов изучения и сохранения. В общее определение культуры сегодня попадают и артефакты, и практики, и способы взаимодействия между людьми и вещами, и их анализ²². Культурологи могут заниматься исследованием цифровой памяти, смерти, мемов, интерфейсов, архивов, *YouTube* и т. д.²³ Обращаясь к любым подобным объектам изучения, цифровая культурология делает их пригодными к сохранению теми средствами, которыми она располагает, а значит — опять-таки делает их предметами собственного интереса, участвуя в изобретении инструментов, интерфейсов и инфраструктур. Возникают отдельные области изучения, вроде *Digital Memory Studies*, *Instagram Studies*, *Infrastructure Studies*, *Fashion Studies* и т. д.

Субдисциплинарные области такого типа не обладают единым набором терминов. Они исходят из того, что языки, существующие внутри изучаемых культур, пригодны также для академического мира. Исследования медиа, театра и интерфейсов заимствуют языки описания и способы действия, принятые внутри исследуемых миров. Но помимо влияния практики на теории, есть и обратное движение. Разработка визуальных решений (музейные экспозиции), решений этических дилемм при принятии управленческих решений в корпорациях, создание предметов исследований (например, пользователей в *UX*-дизайне) — происходят в сотрудничестве с академическими учеными. Их экспертиза востребована в культурных индустриях, а систематизация типов такой экспертизы становится элементом образовательных и научных программ.

Итак, каждая из рассмотренных дисциплин оспаривает свое преимущественное право на область «цифрового», указывая на то, что оно обеспечено ее методом (социология), предметом (филология) или объектом (науки о культуре). Соперничество между дисциплинами существовало и раньше. При своем становлении дисциплины конкурировали за такие понятия, как «действие» или «общество», «текст» или «язык», и соответствующие им объек-

21. Часть примеров см.: Иконникова С. Н. История культурологии: учебник для вузов М.: Юрайт, 2023.

22. Silver D. Internet / Cyberculture / Digital Culture / New Media/ Fill-in-the-Blank Studies // *New Media & Society*. 2004. Vol. 6. № 1.

23. Deuze M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture // *The Information Society*. 2006. Vol. 22. № 2.

ты изучения²⁴. В наши дни соревнования за область «цифрового» возникают уже не вокруг принадлежности объектов, а вокруг порождаемых ими типов доступа к реальности и возможности участия в ней. Так интерес к науке становится интересом к тому, как она позволяет вмешиваться в реальность и быть ее частью.

Реальное обладание Еленой повлекло за собой последствия, неведомые Парису в тот момент, когда он держал в руках яблоко раздора.

Троянский конь: дар и проклятие цифровых методов, принесенные дисциплинам

Троянский конь был уловкой, которую греки применили, отчаявшись взять Трою после десяти лет осады. Они инсценировали собственное отступление, оставив на берегу деревянного коня с надписью: «Этот дар приносят Афине Воительнице уходящие ахейцы». Троянцы завезли коня в свой город, а ночью из него вышли спрятавшиеся внутри воины, открыли городские ворота и впустили своих вернувшихся соратников. Были ли в Трое те, кто предвидел угрозу? Да, прорицатель Лаокоон сказал: «Бойтесь да-найцев, дары приносящих». Его слова не были восприняты троянцами: Посейдон послал морских чудовищ, которые задушили Лаокоона и его сыновей.

Мы обращаемся к этому сюжету, чтобы предупредить о том, что дары междисциплинарных областей могут нести гуманитарным наукам угрозу, а не укрепление прежнего статуса. Эти дары: количественные методы, цифровые инструменты, онлайн-интерфейсы. Они являются результатом развития не столько самих наук, сколько кибернетических, информационных и коммуникационных теорий и методов. Внешне похожие на ответвления структурализма или семиотики²⁵, дары приносят свои основания, отчасти враждебные гуманитарному знанию.

Некоторые междисциплинарные области, внутри которых формировались количественные и цифровые теории и методы, возникли в ходе дробления самих наук. Например, медиэвистика или исследования города позволили историкам и социологам

24. Тесля А. А., Колозариди П. В. «Как большой проект философия закрыта»: беседа с Александром Филипповым о каноне в социологии // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 2.

25. Orlandi T. Reflections on the Development of Digital Humanities // Digital Scholarship in the Humanities. 2021. Vol. 36. № 2.

объединяться вокруг конкретных предметов. Культурсоциология или микроистория формировались на стыке разных дисциплин. Изучение гендера или медиа началось с открытия новых концептов и предметов гуманитарного знания²⁶. Вслед за появлением этих крупных областей возникали новые субдисциплины: интернет-исследования, экологические исследования и т. д.²⁷ Институциональное устройство современных университетов потворствует этому дроблению, а сопутствующий ему рост прикладных направлений и ориентация на практическое применение дисциплин снижает планку участия в интеллектуальном труде.

Появление разных субдисциплин не имеет однозначной оценки. Роза Брайдотти, предлагая возможность стадияльной классификации изменений наук и дисциплин, выражает надежду на то, что новые области знания (*studies*) могут быть избавлены от патриархального логоцентризма, приближаясь к объектам своего изучения. Ключевая особенность *studies*, согласно такой трактовке, — это снижение дистанции между знанием и объектом, размещение их в одной общей ситуации. Мишель Фуко называл такую позицию задачей клинической техники, в рамках которой исследователь действует как психотерапевт или навигатор на судне²⁸.

Сама идея организации управления и познания для междисциплинарных областей во многом наследует кибернетическому образу кормчего: он не только исследует законы мореплавания, но и сам участвует в нем и принимает решения о ходе движения. Это значит, что задача науки по изучению своего объекта и производству объяснений оказывается близка к задаче по управлению и прогнозированию на основе изученного. Цифровые гуманитарные науки нередко говорят об этой возможности как о благе, поскольку она позволяет направить университетское знание к процессам, лежащим вне университета: бизнесу, культурным институтам, государственному управлению.

Сохраняется ли содержание науки при изменении метода, теории, объекта и направления действия? Обычно этот вопрос решается через процедуры проблематизации соотношений теоретических оснований, методов и объектов. Он является предметом сложной дискуссии, не все дисциплины предполагают необходи-

26. Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / Под ред. И. Ф. Девятко и др. М.: Прогресс-Традиция, 2015.

27. Braidotti R. Critical Posthuman Knowledges // South Atlantic Quarterly. 2017. Vol. 116. № 1.

28. Фуко М. Дискурс и истина / Пер. с англ. А. М. Корбута. М.: ПроPILEI, 2006.

мость взаимосвязи теории и метода. Особую роль при решении вопроса о сохранении или развитии содержания науки играет университет: в нем получают квалификацию специалисты и проходят защиты диссертаций, предполагающие участие выпускников в научной деятельности. Задача по формированию специалистов, способных к совместному производству знания во многих гуманитарных науках, начинается с работы в учебных классах: отсюда и роль классики в науках²⁹. У междисциплинарных областей не всегда есть сложившаяся классика, в каких-то случаях уместнее говорить об их каноне³⁰, в иных — история дисциплины и объекта ее исследования переплетены (как в случае с гендерными исследованиями и кинокритикой).

Чем подробнее исследователи вникают в природу общего объекта, тем больше трансформируется исходный для каждого из них способ фрагментировать объект и высказывание о нем. Обращение к теориям становится скорее инструментальным, а к методам — ситуативным. Такая фрагментация позволяет сохранять формы междисциплинарной общности, сфокусированные на объекте. Что из подобных исследований может быть возвращено в мир, некогда признанный теоретическим? Едва ли многое.

Как могут науки в такой ситуации удерживать собственные основания? Одну из версий, предполагающих такую возможность, предлагает технаука, утверждающая, что сами инструменты и техники познания являются не менее важной частью научной работы, чем теоретические основания³¹.

Изучение наборов данных корпусов текстов, реестров библиографий, архивных записей и эго-документов позволяет некоторой части цифровой гуманитаристики найти свои основания в квантитативном формализме и подключить к формированию своего канона труды Бориса Ярхо, Николая Морозова, Михаила Гаспарова, Владислава Холшевникова³². Возможно, отчасти

29. Савельева И. М., Полетаев А. В. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: НЛЮ, 2009.

30. Колозариди П., Юлдашев Л. Канон интернет-исследований: сообщество без дисциплины // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 2.

31. Столярова О. Е. Технаука как экспериментальная среда и экспериментальная методология // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 2. № 48.

32. Пильщиков И. А. и др. Русский квантитативный формализм 1910–1930-х годов как предшественник *Digital Humanities* // Пильщиков И. А. Семь бесед о филологии и *Digital Humanities*. М.: Издательство Московского университета, 2022; Ustinov A. The Legacy of Russian Formalism and the Rise of the Digital Humanities // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. Jg. 4. № 1.

именно этим и объясняется уклон российской цифровой гуманитаристики в сторону количественных методов. Разнообразие цифровой гуманитаристики растет. Выбор методологии производится обращением к конкретной природе объекта, будь то художественный текст на бумажном носителе, глиняная табличка, найденная при раскопках, или цифровая копия местной газеты. Каждый совершенный выбор заставляет переосмыслить набор аспектов и инструментов изучения, которые доступны той или иной дисциплине, понимаемой исходя из меняющейся карты их распределения.

Научные дисциплины принимают новые теории и методы как дары и присваивают технические способы решения своих методологических задач. Но удобство новых инструментов и простота их языков гарантируется невидимостью их оснастки и их истории³³. Указывая на угрозу, связанную с использованием такого удобства, мы оказываемся в положении Лаокоона. Получается, что мы выступаем против совершенствования наук, особенно если продолжаем смотреть на их развитие стадильно. Однако мы сами являемся представителями цифровой гуманитаристики и, сколько бы ни стужались наши сомнения, предполагаем, что путь к их разрешению все же имеется.

Ослепление Полифема: цифровая гуманитаристика, неотделимая от объекта

Когда Одиссей обнаружил, что циклоп Полифем ежедневно пожирает его спутников и так же методично выпускает овец из пещеры, он стал обдумывать способы выбраться и принял два решения. Первым было ослепление Полифема. Лишив циклопа возможности видеть происходящее, он наблюдал, как великан вопит от боли и разрушает собственную пещеру. После этого Одиссей и его спутники привязали себя к овцам. Став неотличимыми от животных, они покинули пещеру, чтобы продолжить путь.

Метафора оптики как способа наук *рассматривать* свои объекты распространена в неокантианской парадигме. Связь понятия оптики с Полифемом вполне очевидна. К ослеплению приводит предъявленное наукам указание на неспособность классических методов и инструментов справляться с ростом количества объектов. За ослеплением следует вторая часть: исследовательские объ-

33. Ниже мы постараемся обратиться к решению этой проблемы, описывая проект «Пушкин Цифровой».

екты и знания о них становятся все ближе. Спеша покинуть пещеру, цифровая гуманитаристика изобретает собственные инструменты и методы, применимые в изучаемых объектах.

И если раньше мы опасались судьбы Лаокоона, то теперь обнаруживаем следующую проблему. Миры, некогда бывшие лишь объектами исследований, вобрали в себя элементы знания о себе, а методы, разработанные для их изучения, используются вне академических традиций. Базы данных, интерактивные карты, геймифицированные интерфейсы, созданные по книгам Йохана Хейзинги или по заветам Пола Лазарсфельда, могут развиваться без всяких наук. Граница между терминами и модными словами оказывается стертой: информацией или дизайном можно назвать что угодно — от распорядка дня до организации отношений с богом. Подобно Полифему старомодные дисциплины остаются ослепленными в пещере, пока междисциплинарные исследователи в обнимку со своими объектами покидают ее.

Но что происходит с методами и концептами, отделенными от теорий и дисциплин? Сохраняется ли их связь с наукой или реализуется ли, например, идея Розы Брайдотти о постгуманистическом знании? Обращаясь к аналитическим описаниям цифровых гуманитарных проектов, мы обнаруживали, что они предполагают разработку инструментов на основе методов («Слово Толстого»), а семантические издания требуют изучения контекста прежних публикаций Шекспира и Уильяма Блейка³⁴. Однако отдельные статьи фокусируются лишь на каком-то одном аспекте работы. Не имея достаточных оснований для обобщений, которые позволили бы ответить на поставленные здесь вопросы, мы обращаемся к материалам собственного опыта работы над проектом «Пушкин Цифровой».

В силу того, что проект оказался наследником трех институциональных и эпистемических культур (ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), ФИЦ РАН и ИТМО), решения о форме представления каждого типа материала не могли быть приняты без:

- соотнесения с традицией представления подобных материалов в разные эпохи и в разных культурах³⁵;

34. Бонч-Осмоловская А. и др. Семантическое издание текстов Л. Н. Толстого: от текста к онтологии // *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*. 2018. № 24.

35. См., напр.: *Buzzoni M. A Protocol for Scholarly Digital Editions? The Italian Point of View // Digital Scholarly Editing: Theories and Practices / M. J. Driscoll, E. Pierazzo (eds). Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2016.*

- консультаций с пушкинистами при выработке принципов общей композиционной логики, стилистических решений и иллюстрирования;
- изучения риторик цифровых проектов³⁶ и формирования интерфейса как оформления для материала и высказывания;
- учета онтологий, лежащих в основаниях баз данных и цифровых проектов³⁷;
- изучения специфики пользовательской агентности, порой выходящей за рамки исследования поведения³⁸.

Выполнение работ по проекту требует соотнесения оснований научного знания, а также принципов формирования архивной коллекции Пушкинского Дома с методами разработки баз данных и типов представления интерфейсов. Типы интерфейсов, в свою очередь, производятся исходя из систематизации социологических исследований и антропологического анализа пользовательских практик. Между дисциплинами, обеспечивающими научную работу по уточнению правильного способа организации материалов, возникают противоречия. Эти противоречия касаются того, что именно служит доступом к объектам, который нужно организовать на портале. Доступ к объекту был ставкой в соревновании между дисциплинами, теперь он становится основанием для технического решения.

Выход из возникающих споров невозможно найти на уровне сопоставления теорий отдельных дисциплин, необходимо обращение к основаниям, лежащим вне дисциплинарных различий. Само соотношение культуры и техники оказывается динамическим. Цифровизация объектов, обладающих статусом культурного наследия, требует изучения их генезиса, становления, технической оснастки и ее изменения.

Примером может служить работа с художественным текстом. Задача по его сохранению и представлению требует учета всех его трансформаций, произведенных не только автором, но и теми, кто издает произведение или отзывается на него. Художественный текст, который часто мыслится как ставшая данность, превраща-

36. *Rhetoric and the Digital Humanities* / J. Ridolfo, W. Hart-Davidson (eds). Chicago: University of Chicago Press. 2004.

37. *Poli R., Obrst L. The Interplay Between Ontology as Categorical Analysis and Ontology as Technology // Theory and Applications of Ontology: Computer Applications*. Dordrecht: Springer, 2010; *De Freitas E. et al. Alternative Ontologies of Number: Rethinking the Quantitative in Computational Culture // Cultural Studies? Critical Methodologies*. 2016. Vol. 16. № 5.

38. См. критику исследований пользователей: *Сивков Д. Ю. Указ. соч.*

ется в динамический гиперобъект³⁹, состоящий из планов, черновиков, правок, вариантов, редакций, автоцитат, реминисценций, рукописей, изданий и неразрывно связанный с пародиями, подражаниями, критическими статьями, комментариями, монографиями, фильмами, спектаклями, иллюстрациями, которые, в свою очередь, входят в состав других гиперобъектов и т. д.

Дисциплина, приравнивающая себя к оптике, действительно оказывается своего рода одноглазым великаном. Указание на его неспособность перевести взгляд на множество объектов — подобно ослеплению. Без возможности действовать из позиции, обеспеченной институтами XX века, он с трудом может найти способы уследить за распространением результатов ее познавательных практик.

Объекты, обремененные слившимися с ними модными понятиями и методиками, обретают свою самостоятельность. И едва ли, вырвавшись из пещеры, они вернутся обратно, чтобы обустроить ее.

Усложнение объектов и требований к их сохранности, ослепляя Полифема и освобождая объекты, дает нам возможность вернуться назад, но не к дисциплинарным основаниям, а к истории размежевания и кризиса наук.

Шрам Одиссея: знание и объект в единой плоскости

История про шрам Одиссея начинает опус магнум Эриха Ауэрбаха «Мимесис»⁴⁰. Старая служанка Еврикля моет Одиссею ноги, поначалу не подозревая, что перед ней — хозяин дома, но, обнаружив шрам на колене, узнает его. На протяжении более чем семидесяти стихов Еврикля вспоминает собственную молодость, обстоятельства появления шрама и прежнюю жизнь на Итаке. Акт узнавания — важнейшее звено в развитии событий — не становится в повествовании Гомера моментом повышенного напряжения.

Ауэрбаху эта история позволяет начать долгое исследование того, как соотносятся литература и реальность, текст и контекст, стоящий за ним. Он утверждает, что ненапряженное, последовательное повествование Гомера представляет собой полную противоположность тому, как реальность и истина соположены в тексте

39. См. это понятие в философии Тимоти Мортонa: *Мортон Т. Гиперобъект: философия и экология после конца мира*. Пермь: Hyle Press, 2019.

40. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976.

Ветхого Завета. Текст Ауэрбаха демонстрирует относительность различия между реальностью и литературой, а также между литературой и гуманитарными науками.

Мы не хотим объявить все гуманитарные науки литературой. Структура современной академической научной статьи предполагает различие между теорией, предметом, объектом и методом. Различение производится не только в рамках текста, но и благодаря предустановке: объект находится в мире, а метод позволяет его выявить, превратив в предмет познания.

Современные философы, например Бруно Латур, подчеркивают, что возвращение знания в мир является специфической работой. Она происходит и в лаборатории, и в ходе написания текста, фиксирующего ход работы ученых. Так, в статье «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир»⁴¹ показано, что, хотя ученые работают с мышами, основная задача сводится к написанию убедительного текста. Для подачи грантовых заявок и отчетов по ним ученые пишут о значимости и актуальности своих начинаний, иначе они не могут получить финансирование. Сама форма представления научной работы предполагает, что она будет воздействовать не только на дисциплинарное знание, но и на миры, внеположные наукам и дисциплинам.

Неразличимость объекта, теории и метода и приводит к стиранию различий между дисциплинами.

Стирание различий, происходящее при участии цифровой гуманитаристики, могло бы быть описано в терминах Томаса Куна⁴². В таком случае мы должны были бы признать прежнее существование частью «нормальной» науки, а происходящее движение — научной революцией и сменой научной парадигмы. Но сообщество цифровой гуманитаристики не причисляет себя ни к одной из существовавших наук. Наоборот, оно настаивает на своей принципиальной множественности и несводимости ни к одной из них.

Цифровые методы предлагают не обращение к математике или физике, а создание новых инфраструктур работы со знанием. Возможность таких стратегий обеспечена и самими этими методами, и внешними по отношению к ним концепциями, например техной наукой, предполагающей, что науку и ее инструменты всегда сле-

41. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. Т. 12. № 5–6.

42. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

дует рассматривать в комбинации⁴³. Цифровая гуманитаристика является, на наш взгляд, не конкретной научной революцией, результатом которой становится новая парадигма, а своего рода стадией перманентной революции, происходящей сразу в нескольких науках и приводящей к снятию дисциплинарных границ. Науки о данных (*data science*)⁴⁴ допускают даже более решительное изменение (их апологеты утверждают, что закономерности, выявленные в больших объемах данных, позволяют строить гипотезы без помощи теорий).

Цифровые методы пытаются заменить гуманитарные в способности обеспечить доступ к объекту. Однако статистические таблицы или визуализированные образы не имеют ценности, если не обосновано их соответствие тем мирам, которые они отражают.

Подобно Евриклее гуманитаристика способна различить изменения реальности, произведенные прежними (доцифровыми и цифровыми) инструментами науки и техники. В этой стадии своего существования гуманитаристика может оказаться способной бороться за статус метарамки наук. Ставкой в беспокойное время становится определение соответствия вещей, объектов и предметов друг другу. И только зная, как реальность стала объектом, а затем — набором данных, гуманитарные ученые могут признать ее существование.

Конечно, такая сложная задача требует пересмотра дисциплинарных границ и подобна кризису наук начала XX века, когда Вильгельм Дильтей предложил обратиться к наукам о духе или когда возник философский проект Эдмунда Гуссерля, предполагающий, что метатеорией для ученых всех направлений станет феноменология⁴⁵. Дисциплинарные различия были основаны на разных способах описания и организации доступа к реальности. Сейчас гуманитарное знание объединяется, чтобы заново ее опознать.

43. См.: Столярова О. Е. Указ. соч. С. 40–44.

44. Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // Wired. 23.06.2008. URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/>.

45. Юдин Г. Позиция философа в феноменологии Гуссерля и критике Финка // Логос. 2016. Т. 26. № 1. С. 108–117 (признан иностранным агентом).

Библиография

- Аверинцев С. С. Филология // Большая российская энциклопедия: В 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2017. Т. 33.
- Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976.
- Бонч-Осмоловская А., Колбасов М., Орехов Б., Павлова И., Скоринкин Д. Семантическое издание текстов Л. Н. Толстого: от текста к онтологии // Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej. 2018. № 24. С. 381–391.
- Вахштайн В. Техника, или Обаяние прогресса. СПб.: ЕУСПб, 2021.
- Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: НЛО, 2018.
- Загзевски Л. Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 92–107.
- Иконникова С. Н. История культурологии: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023.
- Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество. Аналитическое исследование // Мир России. Социология. Этнология. 2000. Т. 9. № 1. С. 23–51.
- Колозариди П., Юлдашев Л. Канон интернет-исследований: сообщество без дисциплины // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 2. С. 81–113.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. Т. 12. № 5–6. С. 1–32.
- Лотман Ю. Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ АН СССР, 1981.
- Мортон Т. Гиперобъект: философия и экология после конца мира. Пермь: Hyle Press. 2019.
- Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / Под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
- Пасквинелли М. Машины, формирующие(ся в) логику: нейронные сети и искаженная автоматизация интеллекта в качестве статистического вывода / Пер. с англ. Г. Голубкова, П. Строкина // Новое литературное обозрение. 2019. № 4 (158). С. 153–168.
- Пильщиков И. А., Львов В., Добрицын А., Шея А., Белоусова А., Полилова В., Ляпин С. Русский квантитативный формализм 1910–1930-х годов как предшественник Digital Humanities // Пильщиков И. А. Семь бесед о филологии и Digital Humanities. М.: Издательство Московского университета, 2022.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: НЛО, 2009.
- Сивков Д. Ю. Российская UX-индустрия в поисках пользователей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 6. С. 103–122.
- Столярова О. Е. Технонаука как экспериментальная среда и экспериментальная методология // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 2. № 48. С. 40–44.
- Тесля А. А., Колозариди П. В. «Как большой проект философия закрыта»: беседа с Александром Филипповым о каноне в социологии // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 2. С. 17–38.

- Фуко М. Дискурс и истина / Пер. с англ. А. М. Корбута. М.: ПроPILEи, 2006.
- Юдин Г. Позиция философа в феноменологии Гуссерля и критике Финка // Логос. 2016. Т. 26. № 1. С. 108–117.
- Alvarado R. C. The Digital Humanities Situation // *Debates in the Digital Humanities*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2012. P. 50–55.
- Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // *Wired*. 23.06.2008. URL: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/>.
- Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 2006.
- Berry D. M. The Computational Turn: Thinking About the Digital Humanities // *Culture Machine*. 2011. Vol. 12. P. 1–22.
- Berry D. M., Fagerjord A. Digital Humanities: Knowledge and Critique in a Digital Age. Cambridge, UK: Polity Books, 2017.
- Braidotti R. Critical Posthuman Knowledges // *South Atlantic Quarterly*. 2017. Vol. 116. № 1. P. 83–96.
- Buzzoni M. A Protocol for Scholarly Digital Editions? The Italian Point of View // *Digital Scholarly Editing: Theories and Practices* / M. J. Driscoll, E. Pierazzo (eds). Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2016. P. 59–82.
- De Freitas E., Dixon-Román E., Lather P. Alternative Ontologies of Number: Rethinking the Quantitative in Computational Culture // *Cultural Studies? Critical Methodologies*. 2016. Vol. 16. № 5. P. 431–434.
- Deuze M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture // *The Information Society*. 2006. Vol. 22. № 2. P. 63–75.
- Erickson M. Network as Metaphor // *International Journal of Criminology and Sociological Theory*. 2012. Vol. 2. № 2. P. 912–921.
- Estill L. Digital Humanities' Shakespeare Problem // *Humanities*. 2019. Vol. 8. № 1. P. 1–16.
- Galey A., Siemens R. Introduction: Reinventing Shakespeare in the Digital Humanities // *Shakespeare*. 2008. Vol. 4. № 3. P. 201–207.
- Gibbs F. Digital Humanities Definitions by Type // *Defining Digital Humanities*. N.Y.: Routledge, 2016. P. 289–297.
- Liu A. The State of the Digital Humanities: A Report and a Critique // *Arts and Humanities in Higher Education*. 2012. Vol. 11. № 1–2. P. 8–41.
- Luhmann J., Burghardt M. Digital humanities — A Discipline in Its Own Right? An Analysis of the Role and Position of Digital Humanities in the Academic Landscape // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2022. Vol. 73. № 2. P. 148–171.
- Marin A., Wellman B. Social Network Analysis: An introduction // *The SAGE Handbook of Social Network Analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2011. P. 11–25.
- Morozov E. To Save Everything, Click Here. L.: Penguin Books, 2013.
- Orlandi T. Reflections on the Development of Digital Humanities // *Digital Scholarship in the Humanities*. 2021. Vol. 36. № 2. P. 222–229.
- Poli R., Obrst L. The Interplay Between Ontology as Categorical Analysis and Ontology as Technology // *Theory and Applications of Ontology: Computer Applications*. Dordrecht: Springer, 2010.
- Prescott A. Beyond the Digital Humanities Center: The Administrative Landscapes of the Digital Humanities // *A New Companion to Digital Humanities*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2015. P. 459–475.
- Reed A. Managing an Established Digital Humanities Project: Principles and Practices From the Twentieth Year of the William Blake Archive // *Digital Humanities Quarterly*. 2014. Vol. 8. № 1. P. 1–20.

- Rhetoric and the Digital Humanities / J. Ridolfo, W. Hart-Davidson (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2004.
- Silver D. Internet / Cyberculture / Digital Culture / New Media / Fill-in-the-Blank Studies // New Media & Society. 2004. Vol. 6. № 1. P. 55–64.
- Ustinov A. The Legacy of Russian Formalism and the Rise of the Digital Humanities // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. Jg. 4. № 1. P. 287–289.
- Wellman B. Structural Analysis: From Method and Metaphor to Theory and Substance // Social Structures: A Network Approach / B. Wellman, S. D. Berkowitz (eds). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997 (Contemporary Studies in Sociology. Vol. 15). P. 19–61.

DIGITAL HUMANITIES AS A STAGE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: FOUR METAPHORS

POLINA KOLOZARIDI. St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO University), Russia, poli.kolozaridi@gmail.com.

GAVRIIL BELYAK. Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences (RAS), St. Petersburg, Russia, gabriel.belyak@gmail.com.

Keywords: Digital Humanities; history of disciplinary knowledge; digital transformation; digital turn; interdisciplinary research; digitalization of cultural heritage; philosophy of knowledge; philosophy of science.

Digital humanities exist as an independent direction of activity in modern universities. The grounds for uniting the humanities under the common definition of “digital” and the relation of each to the very concept of it are not obvious and require critical analysis. The authors of the article undertake such an analysis and address the academic prerequisites for the digitalization of humanities’ knowledge and its project applications. Through four metaphors, the ways in which “digital” is appropriated as a method, subject, or object by different sciences (sociology, philology, cultural studies) are described; conflicts and problems arising from different types of such appropriation are identified; the key problem of digital humanities as an area of knowledge is defined. This problem is associated with the destruction of the distance between knowledge (theory), method, and object. The example of project activity demonstrates that at the same time the destruction of this distance, being conscious, can become the basis for representing digitalized objects not only as established but also as becoming. In conclusion, the understanding of the digitalization of the humanities is proposed not as a scientific revolution (in Thomas Kuhn’s terms), leading to a paradigm shift within a particular discipline, but as a stage in the development of scientific knowledge that requires turning to philosophical reflection for the reassembly of the common scientific foundations of the humanities.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-179-199

References

- Alvarado R. C. The Digital Humanities Situation. *Debates in the Digital Humanities*, Minneapolis, MN, University of Minnesota Press, 2012, pp. 50–55.
- Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete. *Wired*, June 23, 2008. Available at: <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/>.
- Auerbach E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature], Moscow, Progress Publishers, 1976.
- Averintsev S. Filologiya [Philology]. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia: V 35 tomakh* [Great Russian Encyclopedia: in 35 Volumes], Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 2017, vol. 33.
- Benkler Y. *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*, New Haven, CT, London, Yale University Press, 2006.
- Berry D. M. The Computational Turn: Thinking About the Digital Humanities. *Culture Machine*, 2011, vol. 12, pp. 1–22.
- Berry D. M., Fagerjord A. *Digital Humanities: Knowledge and Critique in a Digital Age*, Cambridge, UK, Polity Books, 2017.
- Bonch-Osmolovskaya A., Kolbasov M., Orekhov B., Pavlova I., Skorinkin D. *Semanticheskoe izdanie tekstov L. N. Tolstogo: ot teksta k ontologii* [Semantic Edition

- of Texts by L. N. Tolstoy: From Text to Ontology]. *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*, 2018, no. 24, pp. 381–391.
- Braidotti R. Critical Posthuman Knowledges. *South Atlantic Quarterly*, 2017, vol. 116, no. 1, pp. 83–96.
- Buzzoni M. A Protocol for Scholarly Digital Editions? The Italian Point of View. *Digital Scholarly Editing: Theories and Practices* (eds. M. J. Driscoll, E. Pierazzo), Cambridge, UK, Open Book Publishers, 2016, pp. 59–82.
- Castells M., Kiseleva E. Rossiia i setevoe obshchestvo. Analiticheskoe issledovanie [Russia and the Network Society. Analytical Research]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2000, vol. 9, no. 1, pp. 23–51.
- Daston L., Galison P. *Ob'ektivnost'* [Objectivity], Moscow, New Literary Observer, 2018.
- De Freitas E., Dixon-Román E., Lather P. Alternative Ontologies of Number: Rethinking the Quantitative in Computational Culture. *Cultural Studies? Critical Methodologies*, 2016, vol. 16, no. 5, pp. 431–434.
- Deuze M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture. *The Information Society*, 2006, vol. 22, no. 2, pp. 63–75.
- Erickson M. Network as Metaphor. *International Journal of Criminology and Sociological Theory*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 912–921.
- Estill L. Digital Humanities' Shakespeare Problem. *Humanities*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 1–16.
- Foucault M. *Diskurs i istina* [Discourse and Truth], Moscow, Propylaea, 2006.
- Galey A., Siemens R. Introduction: Reinventing Shakespeare in the Digital Humanities. *Shakespeare*, 2008, vol. 4, no. 3, pp. 201–207.
- Gibbs F. Digital Humanities Definitions by Type. *Defining Digital Humanities*, New York, Routledge, 2016, pp. 289–297.
- Ikonnikova S. *Istoriia kul'turologii: uchebnik dlia vuzov* [History of Cultural Studies: Textbook for Universities], Moscow, Urait, 2023.
- Kolozaridi P., Yuldashev L. Kanon internet-issledovani: soobshchestvo bez distsipliny [Researching Internet Studies Canon: The Community without a Discipline]. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 81–113.
- Kuhn T. *Struktura nauchnykh revoliutsii* [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow, AST, 2003.
- Latour B. Daite mne laboratoriiu, i ia perevernu mir [Give Me a Laboratory and I Will Raise the World]. *Logos* (Russia), 2002, vol. 12, no. 5–6, pp. 1–32.
- Liu A. The State of the Digital Humanities: A Report and a Critique. *Arts and Humanities in Higher Education*, 2012, vol. 11, no. 1–2, pp. 8–41.
- Lotman J. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science], Moscow, VINITI Academy of Sciences of the Soviet Union, 1981.
- Luhmann J., Burghardt M. Digital humanities — A Discipline in Its Own Right? An Analysis of the Role and Position of Digital Humanities in the Academic Landscape. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2022, vol. 73, no. 2, pp. 148–171.
- Marin A., Wellman B. Social Network Analysis: An introduction. *The SAGE Handbook of Social Network Analysis*, Thousand Oaks, CA, Sage, 2011, pp. 11–25.
- Morozov E. *To Save Everything, Click Here*, London, Penguin Books, 2013.
- Morton T. *Giperob'ekt: filosofiia i ekologiia posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World], Perm, Hyle Press, 2019.
- Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshchestve: vzaimovliianiia i rekonfiguratsii [Everyday and Scientific Knowledge about Society: Mutual Influences and Reconfigurations], Moscow, Progress-Traditsiia, 2015.
- Orlandi T. Reflections on the Development of Digital Humanities. *Digital Scholarship in the Humanities*, 2021, vol. 36, no. 2, pp. 222–229.

- Pasquinelli M. Mashiny, formiruushchie(sia v) logiku: neironnye seti i iskazhennaia avtomatizatsiia intellekta v kachestve statisticheskogo vyvoda [Machines that Morph Logic: Neural Networks and the Distorted Automation of Intelligence as Statistical Inference]. *New Literary Observer*, 2019, no. 4 (158), pp. 153–168.
- Pilshchikov I., Lvov V., Dobritsyn A., Shelya A., Belousova A., Polilova V., Lyapin S. Russkii kvantitativnyi formalizm 1910–1930-kh godov kak predshestvennik Digital Humanities [Russian Quantitative Formalism of the 1910s–1930s as a Precursor of Digital Humanities]. In: Pilshchikov I. *Sem' besed o filologii i Digital Humanities* [Seven Conversations about Philology and Digital Humanities], Moscow, Moscow University Press, 2022.
- Poli R., Obrst L. The Interplay Between Ontology as Categorical Analysis and Ontology as Technology. *Theory and Applications of Ontology: Computer Applications*, Dordrecht, Springer, 2010.
- Prescott A. Beyond the Digital Humanities Center: The Administrative Landscapes of the Digital Humanities. *A New Companion to Digital Humanities*, Oxford, Wiley-Blackwell, 2015, pp. 459–475.
- Reed A. Managing an Established Digital Humanities Project: Principles and Practices From the Twentieth Year of the William Blake Archive. *Digital Humanities Quarterly*, 2014, vol. 8, no. 1, pp. 1–20.
- Rhetoric and the Digital Humanities* (eds. J. Ridolfo, W. Hart-Davidson), Chicago, University of Chicago Press, 2004.
- Savel'eva I., Poletaev A. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classic Authors in Social and Humanitarian Knowledge], Moscow, New Literary Observer, 2009.
- Silver D. Internet / Cyberculture / Digital Culture / New Media/ Fill-in-the-Blank Studies. *New Media & Society*, 2004, vol. 6, no. 1, pp. 55–64.
- Sivkov D. Rossiiskaia UX-industriia v poiskakh pol'zovatelei [Russian UX-Industry in Search of Its Users]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2019, vol. 22, no. 6, pp. 103–122.
- Stoliarova O. Tekhnounauka kak eksperimental'naia sreda i eksperimental'naia metodologiya [Technoscience as an Experimental Environment and Experimental Methodology]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 2, no. 48, pp. 40–44.
- Teslya A., Kolozaridi P. "Kak bol'shoi proekt filosofiiia zakryta": beseda s Aleksandrom Filippovym o kanone v sotsiologii ["Sociology as a Major Project Was Shut Down": A Conversation with Alexander Filippov about the Canon in Sociology]. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 17–38.
- Ustinov A. The Legacy of Russian Formalism and the Rise of the Digital Humanities. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2016, jg. 4, no. 1, pp. 287–289.
- Vakhshayn V. *Tekhnika, ili Obaianie progressa* [Technique, or the Charm of Progress], EUSP Press, 2021.
- Wellman B. Structural Analysis: From Method and Metaphor to Theory and Substance. *Social Structures: A Network Approach* (eds. B. Wellman, S. D. Berkowitz), Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1997 (*Contemporary Studies in Sociology*, vol. 15), pp. 19–61.
- Yudin G. Pozitsiia filosofa v fenomenologii Gusserlia i kritike Finka [The Philosopher's Position in Husserl's Phenomenology and Fink's Critique]. *Logos* (Russia), 2016, vol. 26, no. 1, pp. 108–117.
- Zagzebski L. Epistemicheskii avtoritet. Sovremennaia liberal'naia zashchita [Epistemic Authority: Modern Liberal Defence]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 92–107.